

*Слово редактора***ОРТОДОКСАЛЬНЫЙ КОНСЕНСУС
ИЛИ ПОИСКОВАЯ КРИТИКА:
НА ПУТИ К ТЕОРИИ ПОТЕРЯННОГО РАЯ***В.П. Макаренко**Южный федеральный университет*

Как известно, Ф.Бекон сформулировал лозунг *Знание – сила*. Его смысл состоит в обосновании фундаментального положения: знание – это средство господства человека над природой и обществом как видами объективного мира. Поэтому в основании социальных наук лежат познавательная и нормативная установки. Первая санкционирует образование и просвещение с помощью знания. Вторая обосновывает прогресс посредством знания. Сила – это контроль всеобщего доступа к знанию и потреблению продуктов динамики цивилизации.

Познавательная установка определяет действующие силы, причинно-следственные зависимости и участие социальных групп в становлении общества. Ее цель – открытие факторов, образующих основу социальных явлений. Эти факторы невидимы невооруженным глазом или заслонены случайными объектами. Данная установка отвечает на вопрос: являются ли социальные процессы результатом поведения и действия отдельных лиц, групп и классов или продуктом более широких процессов и тенденций? Э.Хобсбаум показал, что историк, политолог и географ реализуют одну и ту же познавательную установку, хотя первый занят поиском причин второй мировой войны, второй – причин падения советской империи, третий – причин развития региона. Ответы всегда будут различаться производно от акцента на человеческий или социальный факторы действующих сил – от индивидуальных до структурных. Поэтому социальные теории в разной степени отражают доминирование конкретных действующих сил (факторов)¹.

Нормативная установка воплощает стремление индивидов к свободе от любых ограничений со стороны социальных институтов. Такая свобода – главная ценность всех социальных действий. Человек действует на основе определенного образа социальной реальности. Системы ценностей (убеждений) и зна-

¹ См.: Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914—1991). М.: Изд. Независимая Газета, 2004

ние шансов удовлетворения человеческих потребностей опосредуют процессы объяснения, отбора и реализации таких социальных проектов, которые содержат (или хотя бы обещают) больше свободы, права, разнообразия и т.д.

Указанные установки обычно выступают последовательно или параллельно. Первая установка не всегда предшествует второй. В реальных процессах очередность наблюдаемых следствий зависит от способа выделения конкретных звеньев конкретной цепи причин. Обычно стремление человека к просвещению и влиянию на свою жизнь с помощью знания переплетаются. Знание об обществе до сих пор было источником власти одних индивидов (групп) над другими и влияния на собственную (чужую) судьбу.

Однако практическая реализация любой установки влечет за собой нарушения процессов описания реальности. Ответ на вопрос: что происходит? - нередко содержит такой список факторов, который отличается от порядка наблюдения. Сообщения о событиях в определенном пространстве и времени обычно хаотичны и случайны. Как правило, информация с места события удовлетворяет обычную человеческую любознательность. Содержит факты и утверждения о событиях, но не заглядывает за их кулисы. Например, официальная советская первая программа ТВ и неофициальная (радио «Эхо Москвы») по-разному сообщали о событиях 19-21 августа 1991 г. в Москве. Группа Янаева квалифицировала их как «восстановление порядка», группа Ельцина - как «путч», «государственный переворот». Но ни один информатор не говорил, что под видом изменений социального порядка конкурирующие политические клики переносят в новые условия российско-советскую связь власти-собственности-идеологии. Я сказал об этом в сентябре 1991 г., за что меня изгнали из Республиканской партии (хотя я был одним из создателей ее Ростовского отделения) и «Демократической России»². Дальнейшее развитие событий подтвердило мою правоту. Так что теперь я абсолютно беспартийный и беспристрастный «неангажированный политолог» (так меня называют в Интернете)³.

Иногда ответы связывают такие группы фактов, которые отобраны с точки зрения их отношения к конкретным явлениям или процессам. Например, в 1989-1995 гг. забастовки шахтеров были обычным явлением. Эти события можно рассматривать с разных точек зрения: как результат несогласия рабочих с условиями труда; как классовую борьбу рабочих с советской (или постсоветской) властью и бюрократией; как попытку рабочих создать основы гражданского общества; как манипуляцию рабочими со стороны определенных политических сил и институтов, включая директоров шахт и руководителей угольной промышленности; как реанимацию определенного понимания патриотизма⁴. Но те же события можно истолковать как элемент истории системных

² См.: Макаренко В.П. Идеиная платформа Ростовского отделения «Демократической России» // Демократический Дон. 1991, № 1

³ См.: <http://www.rabkor.ru/review/book/3876.html?add&comment=1728>

⁴ В одной из крестьянских листовок периода гражданской войны говорилось: «Мы впервые даем реальную основу патриотизму. Наш воин будет драться за самого себя... Надо довести индивидуальный патриотизм пар-

изменений периода краха СССР. Каждое объяснение содержит долю истины, но иначе объясняет один и тот же процесс. И потому по-разному относится к познавательным способностям людей, которые ставят такие вопросы. Указанные способности исторически обусловлены и вытекают из жизненного опыта индивидов и групп⁵.

Например, в мае-июне 1989 г. 1-й Съезд Народных Депутатов СССР показали на всю страну. Это событие собрало громадную телеаудиторию, превратилось в зрелище. Однако в то время не нашлось ни одного журналиста или учебного (или я не прав?), который объяснял бы интерес советских телезрителей к данному событию системными изменениями периода краха СССР, включая потенциальное крушение социального статуса и будущую физическую смерть большинства тогдашних телезрителей. Такое объяснение породило бы чувства, выходящие за пределы как казенного, так и реального одобрения *перестройки*. Если бы такой смельчак нашелся, кому скорее оторвали бы голову жители СССР – информатору, Горбачеву, Ельцину или прочим актерам исторической драмы? На этот вопрос нельзя ответить определенно, хотя подобные эмоции сегодня объединяют целые социальные слои. Стало быть, само понимание мира как следствие познавательного интереса человека к миру всегда опосредовано текущими обстоятельствами. Они нередко заслоняют и даже противостоят определенным интерпретациям исторических процессов.

Приведу еще один пример. Рост преступности на 100 тыс. населения в 1985 г. составлял 989,8, а в 2000 г. – 2018,2. Большинство исследователей объясняют это явление девиантным поведением или аномией - отсутствием социально адекватных норм, регулирующих правовую реакцию общества на негативные явления, и адекватного законодательства, регулирующего экономические, социальные, политические отношения между гражданами и социальными институтами⁶. Однако Т.В.Шипунова проанализировала основные виды описания (семантическое, историко-генетическое, причинно-следственное), модели (рационально-просветительская, рационально-этическая, антрополого-биологическая, уголовно-правовая) и теории (экономическая, стратификационная, социокультурная, дестабилизационная, стигматизационная) девиантности и показала: существует противоречие между статистическим (нормативистская парадигма) и процессным (социологическая парадигма) подходами при объяснении негативных социальных явлений; предпочтение одного из видов объяснений обусловлено ситуацией и/или научными интересами исследователей; преодолеть влияние ситуации и интересов невозможно; теории преступности и де-

---

тизанских масс до наивысшего экстаза, до фанатизма, так, чтобы за благо трудящихся они бросались в огонь и воду, горящие неугасимой верой в победу над врагами трудящихся». Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918-1921. Документы и материалы. М., РОССПЭН, 2006, с.672

⁵ См.: Олейник А.Н. Есть ли перспектива у социальных движений в России: анализ развития шахтерского движения, 1989-1995 // Полис. 1996, № 3

⁶ См.: Гишинский Я. и Афанасьев В. Социология девиантного (отклоняющегося) поведения. СПб, 1999, с.81. Существует серия публикаций в журнале «Социс» о девиантном поведении См., напр.: Кривошеев В.В. Особенности аномии в современном российском обществе // Социс. 2004, № 3

виантности при рассмотрении причин данных явлений всегда обращаются к анализу социальных норм; но различие формальных и неформальных норм вечно; поэтому все суждения об аномии и девиантности можно оспорить⁷.

Критика теорий аномии и девиантности тоже может базироваться на разных основаниях. В том числе на идее Д.Норта о двойственности государства⁸ и констатации П.Бурдьё: государство обладает властью «...производить и навязывать категории мышления, которые мы спонтанно применяем ко всему, что есть в мире, а также к самому государству»⁹. «В обоих случаях государство присутствует как нечто значимое: в первом случае как неявный источник категорий, во втором – как объект исследования»¹⁰. Поэтому на рубеже XX-XXI вв. часть теоретиков переключилась на тотальную критику государственности как исходного пункта социального анализа¹¹.

Стало быть, можно исходить из того, что индивид стремится к свободе от ограничений со стороны институтов, государств, способов осуществления власти, организации труда, биологического воспроизводства и социализации новых поколений. Но все социальные изобретения созданы людьми. Поэтому практическая реализация стремления к свободе содержит сильный этический заряд. Нередко она обуславливает решения, которые удовлетворяют критериям прежних нормативных систем. Например, знание истоков и причин систем социального неравенства, множества угроз свободе индивидов со стороны государства так или иначе связано с морально-политическим измерением всех публичных дел. Это осуществляется посредством такой интерпретации человеческого бытия, когда оно понимается как социальный факт и продукт человеческих действий. Так реализуется вера в то, что знание социальной материи поможет построить лучший мир. Априорно и нормативно детерминированные представления и проекты человеческого мира – существенная детерминанта накопления и упорядочивания социального знания.

Как показал Э.Гоулднер, главными основаниями интерпретаций современного социального мира являются марксизм, функционализм, либерализм. Они санкционируют толкования социальной реальности с точки зрения связи идеологических и концептуальных элементов в более-менее убедительную доктрину, которая описывает и объясняет то, от чего человечество убегает, к чему

⁷ См.: Шипунова Т.В. Проблема синтеза теорий девиантности // Социс. 2004, № 12, с.103-113

⁸ «Мы не можем обойтись без государства, но и не можем сосуществовать с ним... Осуществление контроля третьей стороной означает развитие государства как принудительной силы, способной эффективно осуществлять надзор за правами собственности и обеспечивать соблюдение контрактов. Но на нынешнем уровне знаний неизвестно, как создать такое государство... Если ... государство располагает принудительной силой, мы должны признать, что лица, управляющие государством, будут использовать эту силу в своих интересах за счет остального общества». Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997, с.81-82

⁹ Бурдьё П. Социология социального пространства. Институт экспериментальной социологии, Москва. Изд. «Алетейя», СПб, 2005, с.220

¹⁰ Волков В. Силовое предпринимательство. СПб-М., Летний сад, 2002, с.10

¹¹ См.: Скотт Д. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М., Университетская книга. 2005; Мартин Ван Кревельд. Расцвет и упадок государства. М., ИРИСЭН, 2006

стремится, каких законов ждет ради улучшения экономических, политических и религиозных свобод¹².

Социальное знание строится таким образом, чтобы одновременно реализовать познавательную и нормативную установки. Продукты таких попыток образуют упорядоченную социальную теорию. Но они обычно тяготеют к первой или второй установке. Эта двойственность отражена в противоположном понимании социального знания (теории). Р.Мертон считает социальную теорию частным случаем знания физического мира, которая кодифицирует эмпирические наблюдения и формулирует эмпирически верифицируемые общие законы. Для Ю.Хабермаса социальная теория есть способ поиска интерпретационного консенсуса относительно смысла осуществленных наблюдений¹³.

Имперские тенденции в строении социологических теорий

Длительное время в социологии господствовала модель Р.Мертон. Она строила генерализации на основе морфологического обзора одного из фрагментов действительности, пренебрегая теми элементами социального мира, которые находились вне секторного образа реальности. Одновременно при теоретическом анализе общества социологи занимались поиском способа влияния на власть с помощью знания. Стремилась придать продуктам своего труда ранг диктата. Так возникали обязательные каноны. Их сторонники стремились поддержать объясняющую силу прежних теорий. Однако любая теория неизбежно теряет свою познавательную ценность по прошествии времени.

В американской социологической теории на протяжении второй половины XX в. шла борьба между концепциями, которые объясняли социальные изменения как процесс рационализации и модернизации человеческой личности, связывали процессы индустриализации с изменениями личности в направлении роста автономии, конкуренции и ориентации на личные достижения¹⁴. В дальнейшем я буду называть антропологическими такие социальные теории, которые полагают человеческую личность действующей силой социальных изменений.

В советской, постсоветской и восточноевропейской социологической теории продолжается борьба между структурными и культурными объяснениями процессов создания нового социального порядка. На этой почве возникли противоречия между главными толкованиями действительности: «В настоящее время предмет головной боли теоретиков вытекает из общеизвестного факта: ускорение социальных изменений резко обесценило теоретические каноны, ко-

¹² См.: Гоулднер А.У. Наступающий кризис западной социологии. СПб., Наука, 2003

¹³ См.: Aleksander J. The Centrality of the Classics // Social Theory Today. Ed. Giddens A, Turner J. Stanford & Cambridge, Polity, 1987, p.11-57

¹⁴ См.: Alexander J. Fin de Siecle Social Theory. Relativism, Reduction and the Problem of Reason. New York&London, Verso, 1995, p.6-7

торые до сих пор доминировали на основании самого факта существования советской империи»¹⁵.

Длительное время в социологии преобладали интерпретации, претендующие на теоретическую несомненность. Они выражали убеждение: общества развиваются по определенным исторически неизменным логическим правилам путем повторяемых, причинно-следственных изменений или этапов развития. Эта традиция восходит к Г.Зиммелю. Он понимал развитие общества как развитие канонической симметрии, благодаря которой производится социальный порядок. Стало быть, сама социологическая теория была средством, с помощью которого социальный мир подчинялся канонам интерпретации. Для этого социология использовала строгую дефиницию теории как совокупности взаимосвязанных утверждений, иерархически дедуцированных из наличной базы данных. Факты дедуцировались из морфологического обзора фрагментов действительности.

Весь этот комплекс рассматривался как критерий степени (уровня) развития отдельных обществ. Теория была производной от необходимого и достаточного множества данных. Для верификации гипотез и формулировки теоретических выводов применялись формальные методы, математический и статистический анализ цепей зависимостей. «Главная цель социальных наук сводилась к подтверждению или фальсификации давно известных суждений здравого рассудка, а не к созданию новых идей, перспектив и знания»¹⁶. Математика и логика были созданы для объяснения более простых систем. Но на основе использования математики и логики социальные науки занимались (и нередко занимаются до сих пор) поиском индекса энтропии и вероятностных распределений там, где мера сложности и асимметрии намного выше физического мира.

Для иллюстрации приведу несколько примеров теорий капиталистического общества, которые построены по принципу симметрии и длительное время были доминирующими концепциями человеческого мира.

К.Маркс рассматривал германский капитализм XIX в. как переходную стадию и необходимый этап на пути к более прогрессивной стадии развития. Согласно Марксу, определенные организационные формы общества должны появиться как следствие актуальной конфигурации социально-экономических факторов. Прогрессивное относительное обнищание пролетариата считалось механизмом крушения капиталистической системы. Маркс приписывал человеческому индивиду одномерную способность оценки своей депривации. Но не понимал, что человеческая природа соотносит чувство унижения с объективным ростом уровня потребления.

Подобным образом М.Вебер рассматривал ранний американский капитализм XX века как естественный и необходимый результат множества определенных культурных, религиозных и экономических факторов. Теория Вебера

¹⁵ Hahn C. (red.). When History Accelerates. Essays on Rapid Social Change, Complexity and Creativity. London, The Athlone Press, 1994, p.28

¹⁶ Raymond E., Horsfall S., Lee M. (red.). Chaos, Complexity and Sociology. Myths, Models, and Theories. Thousand Oaks, CA & London, Sage, 1997, p.XXY11

соединяла ряд свойств в одну рационально объясняемую цепь. Предполагалось, что эта цепь содержит определенную линейную причинность – одни свойства уже должны существовать до появления других. Возникший на основе религиозной традиции кальвинизма этос материального успеха и навык не создавать лишних проблем для семьи и общества – факторы укоренения капиталистической предприимчивости. Но вследствие жесткой интерпретации веберовского канона социология 1950-х гг. не учла, что капиталистическая система может возникнуть в странах с доминированием совершенно иного (по сравнению с протестантизмом) религиозного этоса.

Во второй половине XX в. по этой проблеме шла дискуссия между католицизмом и протестантизмом. С.Местрович использовал понятия «father-centredness» (отцовцентричность) и «mothercentredness» (матерцентричность) для иллюстрации указанной проблемы¹⁷. В настоящее время признано, что капитализм может укорениться как в странах с доминированием отцовцентричной (Германия), так и в странах, где господствует матерецентричная религия (Италия, Польша).

Р.Бреннер полагает, что капитализм возник как логическое следствие институционализации торговых гильдий в Лондоне XV в. При этом не учитывается роль предшествующего развития торговых путей и товарообмена между странами побережья Средиземного моря¹⁸.

Иначе говоря, множество классических социальных теорий – это разработанные системы ценностей, т.е. вера в то, что вечные мечты человечества будут воплощены в определенном социально-политическом порядке и даже в отдельном городе¹⁹. История христианства вплоть до XV в. по сути дела есть история ожиданий конца света и смутной надежды на то, что конец все же будет отложен на неопределенное будущее²⁰. Ч.Лемерт показал, что социологическая теория на протяжении десятилетий была предвосхищением мира, который нигде и никогда не материализовался²¹.

Универсальное визионерство – такова одна из причин доминирования одних представлений об устройстве человеческого мира над другими. В этом смысле имперские тенденции являются не столько элементом теорий, сколько следствием того, что люди придают своим убеждениям и надеждам примат с точки зрения прежних ценностей. Такое доминирование имело место в системах идей, доктринах и повседневных представлениях как обычных людей, так и интеллектуальных и политических элит. Теоретические утверждения классиков социологии выполняли прежде всего идеологическую функцию, попутно

¹⁷ См.: Mestrovic S. The Road from Paradise. Prospects for Democracy in Eastern Europe. Louisville, The University Press of Kentucky, 1993, p.147-151

¹⁸ См.: Aston T., Philpin C. (red.). The Brenner Debate – agrarian class structure and economic development in the pre-industrial Europe. New York&Cambridge, Cambridge University Press, 1985

¹⁹ Например, в советское время в Москве сплошь и рядом висели лозунги: «Сделаем Москву коммунистическим городом». А теперь на батайских автобусах написано: «Сделаем Батайск идеальным городом».

²⁰ См.: Faubion J. Rethinking the Subject. Boulder&Oxford, Westview, 1995, p.98-110

²¹ См.: Lemert C. Sociology After the Crisis. Boulder&Oxford, Westview, 1995

способствуя институционализации социологии: «Таким образом социологическая теория связывалась одновременно с определенным формальным способом аргументации, с будущими сценариями социального развития, антиципированными в качестве логических, и с идеологически доминирующим, политически и мировоззренчески обоснованным главным проектом человеческого мира»²².

Социальная теория вне канона и энциклопедии

Что же подтверждает «теоретичность» понятийных систем объяснения социального мира? В настоящее время в социологии сложились следующие способы употребления термина «теория»:

1. Строго эмпиристский способ отнесения определенных суждений к упорядоченной системе ранее проверенных положений и гипотез. Главными элементами социологической теории являются обобщенные гипотезы или утверждения, указывающие на применимость (неприменимость) данных гипотез к определенным элементам действительности.

2. Логически непротиворечивое причинно-следственное объяснение.

3. Теоретическая установка (способ подхода к социальной реальности) и извлечение из нее множества свойств (например, отношений конфликта, символического порядка взаимодействия, стремления к восстановлению равновесия и т.п.)²³.

Однако читатель трудов по теории социологии вряд-ли найдет детальное и убедительное определение ее предмета. П.Штомпка отмечает, что в ходе исследований он обнаружил около двух десятков дефиниций социологической теории, но ни одна из них является строгой, простой и общепринятой. «Социальная теория в XX в. сформировалась в трудном диалоге между пессимизмом и оптимизмом, разумом и бессмыслицей (unreason), а роль теоретика сводится к медиации между данными дихотомиями»²⁴. Г.Ритцер определяет социальную теорию как «широкую систему идей, связанных с центральными и важными проблемами социальной жизни»²⁵. К.Лемерт указывает: «Социальная теория есть то, что мы делаем, когда утверждаем, что можем выразить словами то, о чем никто другой не желает упоминать»²⁶.

Установлено, что большинство понятийных систем и доктрин не удовлетворяют критериям формальной дефиниции: «Социологическая теория есть множество взаимосвязанных утверждений, обеспечивающих возможности систематизации знания, объяснения, предвидения социальной жизни и выдвиже-

²² Ashley D., Orenstein D. *Sociological Theory. Classical Statement*. Boston & London, Allyn & Bacon, 1998, p.1

²³ См.: Calhoun C. *Critical Social Theory*. Oxford UK, Cambridge USA, Basic Blackwell, 1995, p.5-6

²⁴ Alexander J., Sztompka P. (red.). *Rethinking Progress. Movements, Forces and Ideas of the 20th Century*. Boston, Unvin Hyman, 1990, p.33

²⁵ Ritzer G. *Contemporary Sociological Theory*. New York, McGraw Hill, 1992, p.4

²⁶ Lemert C. *Social Theory*. Boulder, Co & Oxford, UK, Westview, 1993, p.23

ния новых исследовательских гипотез. Причиной указанного недостатка является распространенное мнение, что социологическая теория есть специфический способ интерпретации, который предлагает социология как академическая институционализованная дисциплина»²⁷.

На протяжении 1990-х гг. возростала критика минималистской интеллектуальной традиции как «...продукта внутренних трансформаций европейского общества и текстов, определяющих границы дисциплины, написанных узкой группой блестящих авторов»²⁸. Данная традиция есть следствие исторического процесса генезиса академической социологии. В итоге социологическая теория вначале сформировалась как гегемонистский канон, а затем - как энциклопедический подход к широкому кругу социальных явлений и процессов.

В настоящее время опять дебатруется проблема объяснения социальной реальности. Понятие теории относят к способу конструирования и объяснения социальных фактов и объясняют этот процесс как коллективную интенциональность²⁹. В этом процессе возникает понятие теоретически обоснованных социальных фактов - понятий, имеющих надлежащий теоретический статус. Большинство фактов в сфере социальных наук, а также критерии их оценки и объяснения есть продукт теории. Формально-логическое понимание термина *теория* ограничивает его значение определенным множеством структурных условий интерпретации, характерных для интеллектуального наследства неопозитивизма.

Указанное понимание все более конкурирует с креативно-нарративным пониманием: «Теория вытекает не только из попытки индуктивного объяснения воспринимаемого мира эмпирических наблюдений. Она дает также возможность осуществлять наблюдения и конвертировать ощущения в форму понимания, которому можно придать форму факта. Теория вырабатывает способы осмысления эмпирического мира, проведения наблюдений и формулировки тестов, а не только объяснения результатов тестов и поиска корреляций эмпирических наблюдений»³⁰. Все чаще выдвигается постулат: социологическая теория как определенная практика должна быть заменена социальной теорией, учитывающей труд множества интеллектуалов. Они создали теории общества, относящиеся к исторически сформированным практикам, которые сделали это общество возможным.

Что же такое социальная теория? Я сознательно использую термин социальная, а не социологическая теория. Концепт социальной теории относится к теоретическому отражению социального мира, в котором живут люди. В современной философии и методологии науки под концептом понимается акт схватывания смыслов вещи (проблемы) в единстве речевого высказывания. Концепт включает следующие параметры: полнота смысла выражения в целостном про-

²⁷ Ritzer G. Op.cit., p.4

²⁸ Conell R. Why Is Classical Theory Classical? // American Journal of Sociology. 1997, vol.102, N 6, p.1513

²⁹ Searle J. The Construction of Social Reality. New York, London, Free Press, 1995, p.37

³⁰ Calhoun C. Op.cit., p.6

цессе произнесения; субъектность, смыслоразделительная функция и смысловое единство речи; в отличие от понятия концепт есть продукт возвышенного ума (духа), который способен творчески воспроизводить и собирать смыслы; концепт предельно субъектен и предполагает другого субъекта (слушателя, читателя), актуализируя смыслы в ответах на вопросы и рождает диспут; память и воображение; направленность на понимание здесь и теперь; синтез способностей души (как акт памяти концепт ориентирован в прошлое, как акт воображения – в будущее, как акт суждения – в настоящее)³¹.

Тогда как понятие социологической теории относится к конкретным схемам объяснения, которые использует социология как академическая дисциплина. Например, функционализм как определенный теоретический подход возник на почве социологии и антропологии. Я использую термин теория в смысле социологической теории общества определенного типа. Ч.Лемерт указывает, что социальная теория есть элементарный навык выживания в современном познавательно-сложном мире и одновременно источник интеллектуального удовольствия³². На мой взгляд, теория – это динамичное исторически изменчивое видение общества и человека как его активного элемента. Она есть также систематизированная перспектива рассмотрения определенной исторической формы общества – способ видения, мышления и описания социального мира, замкнутого в рамках определенного пространства и культуры. Такое описание может осуществляться в пользу автора или других людей. Цель описания – влияние на человеческое понимание мира, способ его устройства или частичное удовлетворение универсального человеческого интереса к миру.

Строение социальной теории – это процедура, благодаря которой устанавливаются образцы зависимости между отдельными социальными процессами (процессами производства общества) и следствиями коллективных действий. Тогда как практика строения «социологической теории» обычно сводится к конструированию таких схем интерпретации, которые связаны посредством «семантических нитей» с априорными принципами способа устройства социального мира.

Например, главный тезис марксистской теории – принцип неизбежности социальных изменений на основе классовой борьбы как базиса любого конфликта. Основание функционалистской теории – принцип гомеостазиса (т.е. неизбежности возврата социальной материи в состояние покоя). Неопозитивистская социологическая теория – это комплекс суждений наблюдения о возможности сосуществования фактов и событий.

Тогда как конструирование социальной теории позволяет заменить данный комплекс дискурсивным анализом факторов, детерминант, результатов и вероятности появления определенных витальных социальных явлений в формах коллективного поведения, исторических процессов или синдромов (комплекс-

³¹ См.: Неретина С.С. Концепт // Новая философская энциклопедия в 4-х томах. Т.2. М., Мысль, 2001, с.306-307

³² Lemert C. Op.cit., p.1

сов) явлений, связанных с универсальными свойствами социального положения акторов социальной жизни: «Теория – это ментальная реконструкция своего времени, саморефлексия, а не рефлексия»³³. Социальная теория – это определенный интеллектуальный проект интерпретации. Она объясняет как, в какой степени, при каких условиях различные процессы и формы поведения становятся взаимозависимыми и доминирующими в определенном историческом контексте.

Социальная теория – это не исповедание веры в вечные ценности и не подтверждение нефальсифицированной истины, остающейся таковой при любых условиях. Разработка социальной теории – это процесс осмотрительного и осторожного выдвижения определенных пространственно-временных наблюдений и связывания гипотез в объясняющие цепи таким образом, чтобы они с большой степенью вероятности относились к определенным исторически детерминированным социальным фактам. Современная социальная теория – неотъемлемая часть проекта модерна как способа устройства мира. Этот проект открыт, допускает конкурирующие гипотезы и объяснения для роста понимания социальной реальности.

Например, К.Кобрин характеризует книгу В.Михайлина как «один из последних модернистских проектов в гуманитарных знаниях»³⁴. В.Михайлин пишет, что его книга – результат пяти лет работы с комплексом гипотез в исторической, культурной и социальной антропологии под рабочим названием «пространственно-магистического подхода». Суть подхода сводится к детерминации различных культурных практик (поведения, социальной самоорганизации, кодовых систем, способов мировосприятия) той территорией, на которой в данный момент находится индивид или группа индивидов. При этом термин «территория» (или «зона») понимается не с пространственной, а с культурно-антропологической точки зрения. Для обоснования В.Михайлин использует гипотезу Оуэна Лавджоя о факторах, породивших человека как биологический вид. Тот считал определяющим фактором изобретение «детского сада», в котором несколько теток заняты присмотром за всеми детьми племени. Тогда у большинства стаи снимается ограничитель рождаемости и развязываются руки для иных способов потребления территории. В результате возникают три зоны: центральная соответствует территории проживания всей группы, на которой находятся нуклеарные семьи; срединная соответствует женской пищевой территории; окраинная пищевая территория принадлежит самцам. Суть дела в том, что каждая культурно маркированная территория автоматически включает адекватные ей формы поведения и исключает все остальные, не совместимые с ней. Магистика – это власть кода над человеком. Внутри современного го-

³³ Alexander J. Fin de Siecle Social Theory, p.65

³⁴ См.: Михайлин В. Тропа звериных слов. Пространственно ориентированные коды в индоевропейской традиции. М., НЛО, 2005, с.10

родского человека плещется «культурный коктейль» из указанных зон, который и предлагает изучать автор³⁵.

Нетрудно понять, что В.Михайлин предлагает переодеть типичную для XIX в. теорию факторов в одежды модного теперь в России культурного детерминизма. При этом упускается из виду, что даже в самых рафинированных формах (типа философии культуры Э.В.Ильенкова) этот проект потерпел крах³⁶. Проблема осложняется еще более, если территориализм, гегемонизм и капитализм рассматривать как взаимосвязанные системы власти, которые порождают ловушки имперского перенапряжения³⁷.

Дело в том, что социальная теория возникла между религией и политикой, но ее язык отличается от религиозного и политического языка. Религия и политика оперируют иерархиями ценностей - вербальными формулами, моральными и этическими убеждениями. Предлагают абсолютную систему убеждений о должном устройстве социального мира. Социальная теория дает относительное (вероятное) знание о прошлом, настоящем и будущем мире. Это знание соотносено с актуальными способами социологического анализа, сферой и степенью концентрации теории на условиях бытия человека в современном мире и условиях производства этого мира людьми.

Итак, антропоцентричная и социоцентричная перспективы влияют на способ социологического теоретизирования. Антропоцентризм – это взгляд назад, рассказ о накопленном людьми в прошлой жизни опыте, интерпретация прошлого опыта и способа его влияния на современное поведение людей. Социоцентризм – это взгляд вперед, в будущее несовершенное время, мир возможных событий и способов социального устройства. Как показал Ф.Бродель, разработка социальной теории опосредована параметром времени, включенного в дефиницию общества. В основе любой социальной теории лежит исторически сформированная дефиниция общества.

Социальная теория и историческое ускорение

Значение теоретического мышления и вытекающих из него пропозиций в социологии зависит от ритма и темпа социальных преобразований. По мере ускорения изменений теряют истинность теории, которые сформулированы во времена медленных изменений (профаны в социологии считают их временами стабильности). Поэтому доминирующие теоретические ориентации затрудняют понимание темпа исторических процессов.

К.Ганн критически оценивает способность ранее доминирующих канонических социальных наук (особенно антропологии) включать в свой состав элементы

³⁵ Михайлин В. Указ.соч., с.11-14

³⁶ См.: Межуев В.М. Эвальд Ильенков и конец в России классической марксистской философии // Эвальд Васильевич Ильенков в воспоминаниях. Под ред. Г.В.Лобастова. М., 2004

³⁷ См.: Арриги Дж. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М., Изд. дом «Территория будущего», 2006, с.68-78

времени и истории. Теории, выдвинутые во времена надежды (политики называют их эпохой революции), обесцениваются при замедлении или компрометации проекта революционных изменений. Теории, построенные во времена доминирования одного локомотива прогресса (который привлекает общее внимание, концентрирует финансовые и организационные средства), преувеличивают значение процессов, которые затухают при исчерпании вначале витальных социальных сил.

Например, К.Поланьи описал ускорение, вызванное «великой системной трансформацией»³⁸. Теории отдельных дисциплин социальных наук (социологическая, антропологическая, экономическая и т.д.) обычно принимают или отвергают тенденцию тотальных социальных изменений. Их авторы забывают, что «...глубокое и полное изменение невозможно. Для одновременного изменения и сохранения общества одни вещи должны меняться быстрее других. Периодически определенные изменения ускоряются, а затем темп социальных изменений замедляется... Причины и следствия исторического ускорения различны. Но после распада государственного социализма процессы политических изменений создали почти клинические условия для ускорения социальных процессов. Это ускорение превышает меру их понимания индивидами»³⁹. Поэтому важным элементом конструирования социальной теории является аргумент об историческом ускорении как росте темпа изменений.

В такие моменты истории возникают когнитивные и нормативные предпосылки разрывов между способами интерпретации социальной жизни. К.Мангейм указывал, что способы теоретического мышления могут быть истинными, хотя и противоречивыми. Действующие люди так или иначе развивают множество методов опытного и рационального анализа мира. Если же человеческая деятельность длительное время не подлежит рациональному контролю или критике, тогда эти методы становятся бесполезными. Возникает ситуация компенсации прежнего неравенства, когда одна теория длительное время доминировала над другими, а все социальные науки метафорически смотрели в одном направлении.

Историческое ускорение подрывает прежние гегемонистские интерпретации социальной жизни. Оно полезно для социальной теории, поскольку господство одной эпистемологии выражает ортодоксальный консенсус, предшествующий историческому ускорению⁴⁰. Вытекающие из ортодоксального консенсуса теоретические пропозиции обладают встроенными в дискурс постулативно-аксиологическими модулями. Они предписывают, как должна выглядеть социальная жизнь, если бы социальные процессы протекали по указаниям теоретика. В истории социальных наук до сих пор доминировали унылые периоды консенсуса. Но рано или поздно наступали периоды, в которых мно-

³⁸ См.: Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени // Пер. с англ. А.А. Васильева и др. Под общ. ред. С.Е. Федорова. СПб.: Алетейя, 2002

³⁹ См.: Hahn C. *Op.cit.*, p.54, 8

⁴⁰ McNall S., Howe G. (red.). *Current Perspectives in Social Theory*. Greenwich, CT, JAI Press, 1981, p.3

жество интерпретаций не создавало чувства угрозы для теоретиков, политиков, социальных практиков. Темп изменений вел к тому, что новые способы интерпретации общества быстро находили щель, в которую могли пролезть.

Отсюда вытекает, что укорененная в интеллектуальной, политической и научной практике социальная теория принимает форму дискурса, подрывающего любое доминирование любой ортодоксии, хотя иногда социальная теория сама кажется догматом. Монотонность и скука социальной теории переходяща. Темп социальных изменений разрушает идентичность и гомогенность понятийного аппарата и постулатов о природе социальной действительности. В социальных науках существует множество дискурсов. Многообразие теоретических подходов особо значимо для анализа социальных изменений. А.Шеффле показал, что Мангейм выделил два аспекта социальной жизни: рутинное состояние вещей (*laufendes Staatsleben*) и политические процессы: «Первый аспект – это ряд социальных событий, которые обрели форму относительно устойчивого образца. Они образуют предмет нетеоретического описания, концентрирующегося на фактах. Второй аспект – это события и процессы, находящиеся в процессе становления. Для понимания их надо объяснить на фоне других событий и процессов. Это осуществляется путем контрастного или причинно-следственного сопоставления с цепями частично известных, описанных и объясненных событий, относительно которых существует убеждение в их принципиальной объяснимости»⁴¹.

Теория – функция процесса становления. Прежде всего она глубоко укоренена в социальной действительности. Затем порождает такой тип социального действия, которое выходит за рамки одного канона. Наконец, действие изменяет действительность, а при поражении вынуждает пересмотреть теорию. Обусловленное действием изменение актуальной ситуации ведет к новой теории. Характерно, что столь разные мыслители, как Г.Лукач и Т.Кун описывали эту ситуацию как предпосылки смены парадигмы.

Теоретическая и языковая практика социологии включает две формы объяснения: описание прошлого и настоящего социальных институтов и норм; описание процесса становления: «Большинство социальных наук есть описание известного социального мира в рамках небольших контекстуальных и частных дифференциаций... Мы трудолюбиво накапливаем и проверяем факты, чтобы быть уверенным в их обоснованности, а затем сортируем их в группы в соответствии с установленным образцом... И только от случая к случаю систематизируем знание более теоретическим способом, – так, чтобы выводы о порядке вещей не сводились к поверхностной характеристике вещей, к которым они относятся»⁴².

Указанные формы социальной теории определяются способом ее концентрации на процессах изменений. Предмет первой – рутинное состояние вещей (в

⁴¹ Schaeffle A. *Über den wissenschaftlichen Begriffe der Politik // Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft*. 1987, vol. 53, s.59

⁴² Calhoun C. *Op.cit.*, p.3

смысле Мангейма), предмет второй - процессы преобразований. Ортодоксальный консенсус легче обосновать на почве первого типа объяснения, поскольку взгляд назад способствует априорному решению проблемы причин и следствий. Второй тип объяснения направлен в будущее неопределенное время и ведет к теоретической формулировке критических суждений.

В современной социологии все чаще высказывается мнение о том, что социальная теория должна выполнять интегративную функцию во всем круге социальных наук. Но одновременно фиксируются две эпистемологические проблемы: теоретик пытается перейти от эмпирических данных к теории, но не находит общего знаменателя для больших баз эмпирических данных, теоретических понятий и критериев; теоретик пытается перейти от теории к оперативным критериям, но не находит опосредующего звена. Обе проблемы ограничивают возможность конструирования социальных теорий. В результате падает критическая поисковая функция социальной теории. Растет популярность определенной ортодоксальной парадигмы объяснения социальной реальности. Только историческое ускорение стимулирует потребность в такой социальной теории, которая отвергает каноны и догмат консенсуса.

Длительное время социальная теория оценивалась с точки зрения эмпирической проверки утверждений, соответствующих догмам прошлых времен. Теория рассматривалась как модель, которая включает главные принципы конституирования, действия и преобразований общества. Вследствие нерешенности первой проблемы множество теорий отбрасывались, поскольку другие временно давали более убедительные эмпирические объяснения. Вторая проблема связана с наплывом теоретических достижений, установок, моделей, методов, дефиниций и шума, который вносили теоретические работы. Вследствие этого падает значение критерия истинности. Но критерии истинности современного теоретического дискурса выходят за рамки эмпирической адекватности утверждений о природе и следствиях адекватности теорий, моделей и дефинитивных коннотаций: «Степень их эксплицитности определяется усилиями по рационализации и систематизации интуитивно схватываемых сложных аспектов социальной реальности. Современные дебаты между причинно-следственной и интерпретационной методологией, утилитарной и нормативной концепциями действия, моделями равновесия и конфликта, радикальными и консервативными теориями социальных изменений отражают стремление сформулировать научные критерии истинности утверждений, выведенных из неэмпирических сфер анализа»⁴³.

До недавних пор социальная теория увлекалась обширными базами количественных данных. Современная социальная теория формулирует объяснения на основе индуктивного выведения из качественных данных. Такой подход требует критического участия исследователя в делах социального мира. И крити-

⁴³ Giddens A., Turner J. Op.cit., p.26

ческого расчета с историческими и культурными условиями, влияющими на интеллектуальную деятельность. Эмпирическую гипотезу проверить нетрудно. Зато в сфере качественных объяснений намного труднее обосновать ортодоксальный консенсус. Здесь теоретизирование требует постоянной конфронтации с альтернативными способами объяснения.

Социальная теория и проблема дефиниции общества

Э.Гидденс предлагает рассматривать конструирование социологической теории как иерархию практики постановки вопросов, когда один тип вопроса влечет за собой следующий тип. Эта интерпретация отражает познавательный аспект социологического теоретизирования, поскольку речь не идет об отдельных вопросах и ответах. Практика постановки вопросов пронизывает социальную действительность ради получения теоретического знания. Все вопросы делятся на четыре типа: фактуальные (что происходит?); компаративные (известны ли аналогичные процессы где-либо еще?); исторические (имели ли место ранее подобные процессы?); теоретические (что образует основу таких процессов?). Конструкция теории есть результат удовлетворительного ответа на вопросы низшего порядка⁴⁴.

Иначе говоря, концентрация на практике постановки вопросов ведет к тому, что создание теории становится организованным предприятием. В итоге автор конструирует определенное видение (версию) социальной реальности: «Теории позволяют осмысливать эмпирический мир, дают способы проведения наблюдений и формулировки тезисов, а не только объяснения результаты тестов и корреляции эмпирических наблюдений»⁴⁵.

Ключ к построению современной социологической теории – ответ на вопрос: что такое общество? Социальная теория – это теория исторически образовавшегося общества. Новое поколение социологов 1990-х гг. вынуждено решать новые проблемы определения своей идентичности. Одновременно множество прежних проблем уже решены на основе ревизионистского структурализма, который анализирует большие структурные перемены XX в. - революции, войны, социальные движения⁴⁶. Для теоретических потребностей можно предложить следующую дефиницию общества:

Общество – это группа людей, конституировавшаяся на основе истории и опыта. Их жизнь и существование организованы территорией, которую они считают своей колыбелью. Создавая материальную и нормативную культуру, они вносят параметр прошлого в повседневный опыт. А поскольку производство культуры всегда происходит в настоящем, люди обычно ссылаются на уникальность своей исторической традиции. Повседневная экономическая, политическая и культурная деятельность способствует тому, что люди поглощены

⁴⁴ См.: Giddens A. In Defence of Sociology: Essays, Interpretations and Rejoinders. Cambridge UK, Polity, 1996

⁴⁵ Calhoun C. Op.cit., p.6

⁴⁶ Lemert C. Sociology After The Crisis, p.202

процессом становления. В этом становлении они образуют устойчивые конфигурации (структуры) статусов и ценностей. Этот процесс порождает оперативные следствия в отношении современности, а также (по мере преобразования мира) длительные следствия для будущего. По мере того, как общество контролирует повседневную жизнь, оно стремится лучше понять свое историческое продолжение - из прошлого через настоящее к будущему. Такое понимание способствует росту заботы о своем будущем и будущем еще не рожденных поколений.

Общество функционирует одновременно в трех измерениях времени – прошлом, настоящем и будущем. Социальная теория должна учитывать эту трехмерность. Причинно-следственное объяснение выходит за рамки оперирования цифрами. Теоретическое объяснение зависит не только от числа учитываемых факторов, но и от осознания того, что они могли сложиться совсем иначе: «История есть рассказ о том, что произошло. Кроме того, мы стремимся понять то, что могло произойти. Эта информация является ключевой, ибо без нее невозможно понять текущие решения»⁴⁷. Аналогично высказывается другой автор: «Воображение - это восприятие сегодняшнего дня. Только при условии воображения возможного мира мы можем познать истину сегодняшнего дня»⁴⁸. Тем самым социальная теория определяет способ восприятия социального мира и возможность освоения ученым новых фактов и проблем.

Социология возникла из рассказа о том, как люди судят об устройстве мира, но «...стремится преодолеть свое первичное убожество знания, понятий и идей. С учетом повествования о сформировавшихся социальных структурах социология неизбежно является теоретической наукой»⁴⁹. Одновременно социология есть нарратив, повествующий о несостоявшихся социальных мирах, бесповоротно утраченных для истории и человеческого воображения. Социология - это теория потерянного и никогда не достижимого рая.

Прошлый аспект классических подходов как способов видения потерянного рая есть одновременно достоинство и недостаток социальной теории. Нетрудно упростить язык и понятия, увеличивающих шанс понимания предмета. Но всякое упрощение ведет к ортодоксальному консенсусу. Сталкивает социологическую теорию на уровень еще одного скучного и архаичного романа. Одна из причин такого положения вещей - нормативный заряд отдельных теорий, которые базируются на неполной дефиниции общества. Как правило, она ограничена одним-двумя временными измерениями. И нередко приписывает человеку неспособность ориентироваться в истории, потерю и отсутствие идентичности. Однако идентичность человека не ограничивается одной-двумя сферами. Чувство идентичности - свойство общества и противовес социальным из-

⁴⁷ Calhoun C. Op.cit., p.9

⁴⁸ Furth H. Desire for Society. Children's Knowledge as Social Imagination. New York & London, Plenum, 1996, p.246

⁴⁹ Lemert C. Op.cit., p.18

менениям. Чем быстрее происходят и глубже проникают социальные изменения, тем более социальная идентичность содержит три временных измерения.

А.Гоулднер почти сорок лет назад описал кризис западной социологии, которая не могла ответить на вопрос об идентичности людей – кто они есть в мире резко меняющейся действительности, к чему стремятся и какое вероятное будущее ожидает их потомков. Такая социология вытекала из эмпиристки ориентированных обширных баз данных, а социологическая теория опиралась на цитаты классиков (Э.Дюркгейма и М.Вебера на Западе, К.Маркса - на Востоке). Она говорила о вещах, непонятных для обычного человека. Формулировала зависимости на основе статистических факторов, которые никак не переводились на повседневный язык и дела. Позволяла доминировать канонам функционализма и неопозитивизма на Западе, детерминистского структурализма на Востоке. Поэтому прежняя социология дает лишь одно монополистское видение человеческого мира.

Однако социология должна давать людям множество возможностей познания и понимания мира, множество взглядов, интерпретаций человеческих представлений о социальном мире: «Ответы на вопрос «Если социальный мир разнообразен, то кем являюсь Я?» многообразны и вытекают из множества возможных точек зрения. А функцией вопроса об идентичности есть очередной вопрос: «Если социальный мир дифференцирован, то где в этом мире нахожусь я и где мое место?»⁵⁰. Ответы на эти вопросы не могут даваться только в прошлом несовершенном времени, но должны формулироваться в будущем времени, условном, но все же возможном.

Социальная теория новой социологии поколения 1990-х гг. – это лекарство от теоретических слабостей социологии 1970-х гг. Новое поколение сделало идею множества социальных миров и образов реальности орудием социологического познания. Переписало заново дефиницию общества и поставило под вопрос избитые истины модерна и постмодерна. Социальные изменения рубежа 1980-1990-х гг., а также рубежа XX-XXI вв. способствуют такому обновлению. Эти изменения поставили под сомнение и революционизировали глобальное чувство идентичности многих обществ, а также прежних неколебимых и несомненных видений человеческого мира. В Восточной Европе, Палестине, Израиле, Ираке, Иране и Японии рухнули истории целых поколений. Так было введено многообразие в единообразные и нередко навязанные силой образы социальной реальности.

Например, новая теория стран Латинской Америки занимается проблемами восстановления гражданского общества, закрытости-открытости гражданского статуса, изменения роли государства, определения социальных прав, территориальных и региональных параметров при строительстве общества и т.д. Новые исследования культурных параметров этнического насилия показывают, как изменения процессов сознания на Западе стимулировали появление

⁵⁰ Lemert C. Op.cit., p.38

механизмов насилия на пространстве прежней Югославии и СССР. Не менее интересны работы, обсуждающие проблемы хаоса и парадигматического кризиса⁵¹. Правда, старая социологическая теория все еще стремится выработать общеобязательный канон⁵². Но труды нового поколения социологов производят впечатление новизны, освобождая читателя от фрустрации, обусловленной непониманием предмета дискурса.

Короче говоря, на рубеже XX-XXI в.в. рождается новая социальная теория. Это - нарратив индивидуальных и групповых чувств и опыта, в результате которых жизненные пути людей деформируются под воздействием социальных структур, великих исторических событий и фундаментальных изменений. В итоге люди не могут реализовать свободу выбора жизненного пути. Не следует забывать: социология - «дитя революции» и социальных изменений; наиболее интересную интеллектуальную форму она принимает в периоды резких изменений.

Резюме

Падение государственного социализма в СССР и Восточной Европе, стремление руководителей ряда евроазиатских стран создать неосоветизм, глубокие изменения западного капитализма, новые драматические социальные процессы в форме механизированного геноцида на Балканах, в России и на Кавказе, миллионных исходов в Африке, негаснущих этнических конфликтов на Ближнем Востоке – все это создает продуктивную почву для появления новой теории. Теперь она свободна от доминанты антропоцентризма и ложной обязанности доказывать преимущество одного канона над другим. У теоретической социологии появился исторический шанс – выработать интеллектуально продуктивные способы видения мира, которые позволяют успешно преобразовывать социальную среду посредством власти над нею.

Отсюда вытекает капитальная проблема: насколько этот шанс реализуется в социальных науках России? Первые ласточки для ее обсуждения уже появились и требуют особого анализа⁵³.

---

⁵¹ См.: Alvarez S., Dagnino E., Escobar A. *Cultures of Politics, Politics of Cultures*. Boulder&Oxford, Westview, 1998; Mestrovic S. *Postemotional Society*. London, Sage, 1997; Eve et als. *Op.cit.* 1997; Ophulus W. *Requiem for Modern Politics. The Tragedy of the Enlightenment and the Challenge of the New Millenium*. Boulder & Oxford, Westview, 1998

⁵² См.: Touraine A. *What is Democracy?* Boulder & London, Westview, 1997

⁵³ См.: Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. М., Наследие Евразии, 2006